

Содержание:

Введение

Актуальность темы исследования. Современная рыночная экономика характеризуется трансформационными процессами, обусловленными, во-первых, ускоренными темпами её монополизации, во-вторых, происходящими в ней структурными изменениями, в-третьих, усилением мирохозяйственных связей. Это проявляется в росте влияния крупных хозяйственных объединений, осуществляющих глобальный контроль над отраслями и рынками в экономике конца XX - начала XXI вв.

С этим явлением связаны важные изменения, происходящие в социально-экономическом устройстве современного мира. В них заключаются, с одной стороны, потенциальные точки роста, позволяющие мировой экономике выйти на качественно новый уровень развития; с другой стороны, опасности, ставящие под угрозу её стабильное функционирование в интересах общества.

Для того чтобы дать объективную оценку тенденции к монополизации современного рыночного хозяйства необходимо подвергнуть её политэкономическому анализу, определить количественную и качественную сторону её влияния на современную экономику. Углублённое понимание сущности монополизма позволит сформировать адекватное отношение к этому феномену и его закономерностям в научной среде, что создаст предпосылки для выработки эффективного ответа на многие вызовы современной глобальной экономики.

Цель исследования состоит в исследовании особенностей монополизации современной рыночной экономики.

Постановка данной цели обуславливает необходимость решения следующих задач:

1. Систематизировать и дать критический анализ представлений и исследования проблемы монополизма экономистами, принадлежащими к различным школам в экономической теории;
2. Показать особенности процесса монополизации в условиях современной рыночной экономики;

3. Проанализировать процесс монополизации производства, определить положительные и отрицательные стороны этого явления для современной экономики;
4. Выявить основные тенденции и противоречия социально-экономической трансформации современного мира, происходящей под воздействием монополизации.

Объект исследования - процессы монополизации современной рыночной экономики, их особенности в промышленном и банковском секторе.

Предмет исследования - социально-экономические отношения, обусловленные монополизацией современной рыночной экономики.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Глава 1. Анализ теоретических направления в исследовании монополизации рыночной экономики

1.1. Изучение процессов монополизации рынка представителями либерального и неолиберального течения

Экономические школы разных эпох давали собственные оценки проблеме монополизма, по-своему описывая природу этого явления и его последствия.

К первому направлению экономической мысли можно отнести экономические школы, дающие в целом негативную оценку монополии как явлению рыночной экономики. К нему относятся преимущественно либеральное и неолиберальное течения. А. Смит, описывая монополии, отмечает социальные издержки, вызванные их ценовой и сбытовой политикой: «Монополия, предоставленная отдельному лицу или торговой компании, оказывает то же действие, что и секрет в торговле или мануфактурном производстве. Монополисты, поддерживая постоянный недостаток продуктов на рынке и никогда не удовлетворяя полностью действительный спрос,

продают свои товары намного дороже естественной цены и поднимают свои доходы, - состоят ли они в заработной плате или прибыли, - значительно выше их естественной нормы»[\[1\]](#). Смит резонно отмечает, что цена на товар, которую устанавливает монополия, т.е. «монопольная цена» всегда будет выше той, что складывается на конкурентном рынке под воздействием факторов спроса и предложения. «Первая во всех случаях является высшей ценой, какую только можно вытянуть у покупателей или какую, как предполагается, они согласны дать; вторая представляет собою низшую цену, какую продавцы соглашаются взять, не прекращая в то же время своего дела», - отмечает шотландский экономист.

Представители неоклассической школы, осознавая негативные стороны монополизации экономики, не видели в монополии серьёзной опасности для экономического развития. Исходя из веры в принципы рыночного саморегулирования, они в основном сходились во мнении, что свободный рынок в конечном счёте выбьет почву из-под ног монополии и восстановит конкурентную среду - ключевое условие развития общества.

Основатель неоклассической школы А. Маршалл говорил о монополии как о единственном производителе или продавце в отрасли, который имеет возможность ограничивать производство и влиять на цены и, следовательно, получать сверхприбыль. Он рассматривал монополию как частный случай на конкурентном рынке. Маршалл считал, что свободно развивающаяся монополия способна действовать альтруистически, ориентируясь на создание не монопольной прибыли, а потребительских излишков, используя при этом преимущества масштабного производства. «Во-первых, количество товара, которое монополист предлагает к продаже, оказывается больше (а цена, по которой он продает, меньше), когда он в какой-то степени желает способствовать интересам потребителей, чем когда его единственная цель заключается в том, чтобы приобрести, возможно, больший монопольный доход; и, во-вторых, количество произведенного товара тем больше (а его продажная цена тем ниже), чем больше оказывается стремление монополиста содействовать интересам потребителя, т.е. чем больше оказывается фактическая ценность этого стремления, по которой измеряется участие монополиста с его собственным доходом в потребительском избытке»[\[2\]](#). Такое утопичное предположение Маршалла слабо соответствует реалиям свободного рынка, в котором производственная и ценовая политика компании, служат в конечном счёте делу максимизации её собственной прибыли. Если бы монополии ориентировались на интересы потребителей или национальные интересы вообще, государствам не приходилось прибегать к отчаянным попыткам искусственным

образом сдерживать их рост и могущество.

Однако, рассуждая подобным образом, Маршалл невольно проиллюстрировал благоприятную перспективу для подчинения монополий обществу, которое смогло бы стать тем самым монополистом, «желающим способствовать интересам потребителей». Для достижения этой цели монополии обладают рядом преимуществ, связанных с повышенной производительностью и возможностью вкладываться в технологический рост по сравнению с множеством мелких конкурирующих фирм, производящих идентичный объем продукта: «Им приходится бороться друг с другом, чтобы привлечь к себе внимание потребителей, и они все в совокупности затрачивают значительно больше, чем единственная фирма, на рекламу во всех ее формах: они оказываются не в состоянии добиться многих видов экономии, которая является следствием производства в крупном масштабе. Они, в частности, не могут позволить себе столько тратить на совершенствование технологии, производства и применяемых в нем машин, сколько может расходовать единственная крупная фирма»[\[3\]](#), - писал Маршалл.

Впрочем, неоклассики продолжали стоять на принципах неограниченной конкуренции, являющейся главным фактором формирования цен. Отклонение от этих условий рассматривалось скорее как исключение из правил. Немаловажное значение для этого имели чисто методологические причины - факты повсеместного нарушения конкуренции отбрасывались, игнорировались ради сохранения стройности теории. В начале XX в. разрастание монополий и влияние этого процесса на национальные экономики стало уже трудно не замечать. Всё более активное государственное вмешательство в регулирование трестов вызывало протест у экономистов-рыночников. Основатель школы американского маржинализма Дж. Б. Кларк считал, что существование трестов не противоречит интересам общества до определённых пределов. По его мнению, к завышению цен монополистом приводит не столько недостаток конкуренции, сколько отсутствие опасности того, что на рынок придут новые продавцы. И если потенциально сохраняется возможность вхождения новых игроков, монополист снизит цены, а рыночные механизмы вновь вступят в действие. Однако если государство перегибает палку в регулировании монополий, это приводит к утрате эффективности, которую обеспечивают крупные объединения: возможности привлечения капитала, большей устойчивости в кризисные годы.

В своей книге «Контроль над трестами» американский экономист выступает против как уничтожения монополий, так и политики государственного регулирования цен. Кларк предлагает систему «регулируемой конкуренции», которая позволит

«исключить ненормальные формы через запрет и сдерживание бандитских операций, с помощью которых тресты расправляются со своими конкурентами.

На основании этой идеи Дж.Б. Кларк предложил 4 пункта государственной политики: необходимость доработки Акта Шермана (первый антимонопольный закон США) более конкретным запретом на использование «хищнической» ценовой дискриминации; необходимость формирования новой комиссии по регулированию рынка, которая спасла бы «реальную конкуренцию» от власти монополий; регулирование холдингов; принятие во внимание, что пагубное действие компании определяется не её капитализацией, а долей совокупного капитала всей отрасли, которой обладает компания. Эти несколько наивные рассуждения Кларка фактически игнорируют тот факт, что монополии имеют куда более широкие возможности угнетать конкурентов, чем стандартный демпинг. Кларк совершенно не учёл всё возрастающее влияние монополий на государства, а также тот факт, что крупный бизнес способен подчинить себе предприятия малого и среднего размера, не уничтожая их, не выталкивая их с рынка, а превращая в своих слуг через интеграцию в собственные производственные цепочки. В конце концов, Кларк ничего не говорит об активных процессах слияний и поглощений, которые сводят предлагаемые им меры на нет: вместо того, чтобы, ограничивая себя, жить с малым бизнесом в мире и согласии, монопольной фирме удобнее купить конкурента или захватить, используя механизмы рейдерства.

Неолиберализм возлагает на монополии вину за нарушение рыночного равновесия и призывает государство к активному противодействию монополизму в любом виде. Неолибералы выделяли в монополиях свойственную им настоящую потребность в установлении экономической диктатуры в масштабе всего общества. Исходя из концепции индивидуальной свободы, неолиберализм рассматривает монополии как чужеродные элементы на теле экономики, игнорируя тот факт, что они объективным образом выросли из процесса капиталистического развития. Неолибералы отмечали, что в современном для них капитализме середины XX в. отсутствует гибкость цен, свобода сделок, и вина за это лежит на монополиях, которые подрывают механизм совершенной конкуренции, нарушают действие рыночных регуляторов производства. При этом «невидимая рука рынка» часто оказывается слишком слаба, чтобы самостоятельно вернуть экономику в состояние равновесия. Для этого государство до определённых пределов должно вмешиваться в экономический порядок. «Контроль за деятельностью монополий в условиях конкурентного порядка должен быть настолько решительным, чтобы оказывать сильное профилактическое воздействие», - отмечает лидер немецкой

школы неолиберализма В. Ойкен[4]. Таким образом, необходимо законодательно ограничивать возможность появления новых монополий, перераспределять через бюджет совокупный доход в пользу малообеспеченных слоёв общества, проводить адекватную денежную политику и обеспечить условия для конкуренции через налоговое и патентное право, законы о торговой марке и т.д. При этом неолибералы чётко заявляли о том, что выступают против прямого вмешательства государства в деятельность монополий.

Кроме того, монополизация не отменяет конкуренцию, но видоизменяет её, выводит на новую ступень. Развитие транспорта способствовало переходу конкуренции сначала на межрегиональный, затем на международный уровень. Однако качество участников этого противостояния - гигантских корпораций монопольного типа - имеет мало общего с соревнующимися друг с другом городскими булочными. Наконец, самым веским аргументом против рассуждений Ойкена является анализ статистики, который будет подробно приведён во второй главе данной работы. Он иллюстрирует поступательный процесс монополизации всех отраслей современной экономики в условиях технологического прогресса.

Видный представитель австрийской школы неолиберализма Ф. Хайек пытался сделать вывод о том, что крупнейшие корпорации монопольного типа не отличаются большей эффективностью по сравнению с небольшими предприятиями, функционирующими в конкурентной среде. По его мнению, господство монополий определяется лишь их близостью к государственным структурам, которые создают для монополий благоприятные условия существования. «И не только протекционизм, но и прямое стимулирование и даже принуждение использовались разными правительствами для ускорения создания монополий, позволявших регулировать цены и сбыт», - пишет Хайек[5]. Приняв в наследство от классических либералов веру во всемогущество свободного рынка, американский неолиберал М. Фридман полагает, что тесная связь монополий с государством представляет собой наибольшую опасность для экономики. «К сожалению, приемлемого решения проблемы технологической монополии нет. Возможен лишь выбор из трех зол — частной нерегулируемой монополии, частной монополии, регулируемой государством, и непосредственной хозяйственной деятельности государства»[6].

На практике, монополии действительно имеют с государством тесную связь, которая становится всё становится крепче и очевиднее. Государства активно стимулируют работу отраслевых лидеров в т.ч. через систему государственного заказа. К примеру, государство в США ежегодно тратит сотни миллиардов долларов на госзакупки. Значительная доля этих средств достаётся наиболее

крупным компаниям. С 1994 по 2014 гг. совокупный годовой объем выполненных работ и поставок по заказу государства, приходящихся на 100 крупнейших компаний, увеличился в 2,4 раза: со 100 до 235,9 млрд долл. В 2014 г. на такие компании приходилось 47,2% от всех госзаказов и 53,1% от средств, потраченных государством на их оплату[7]. Ключевые заказчики - министерства Обороны, Энергетики, Здравоохранения и социальных служб, а также НАСА и др., очевидно, делают выбор в пользу крупнейших корпораций в т.ч. и потому, что лишь они способны выполнить технологически сложные работы на должном качественном уровне.

Неоклассики второй половины XX вв. отмечали бессмысленность государственной политики ограничения монопольных цен, считая, что рынок даёт малым конкурентам монополий действовать по принципу «бей — беги». Как утверждает У. Баумоль, потенциальный новичок не должен упускать возможность получить прибыль, если «он может войти на рынок и получить свой выигрыш прежде, чем цены изменятся, а затем уйти без издержек, если ситуация станет для него неблагоприятной»[8]. Кроме того, даже в таком явлении, как естественная монополия неоклассики отмечали конкурентные, рыночные черты.

А. Крюгер назвала борьбу компаний за обретение монопольных привилегий «соисканием ренты»[9]. К ней можно отнести лоббирование, финансирование избирательных компаний, коррупцию и прочие способы воздействия на государственные органы власти. Это становится возможным отчасти и потому, что, по мнению Дж. Бьюкенена, государство само представляет вид политической монополии

1.2. Исследования проблемы монополизации экономистами - институционалистами

Ко второму направлению экономической мысли можно отнести тех, кто оценивал проблему монополий как неизбежность и объективное явление в рыночной экономике.

Институционалист Т. Веблен, описывая политику крупных компаний, умышленно сокращающих производство ради того, чтобы удерживать монопольно высокие цены, называл её «капиталистическим саботажем» Он также отметил, что классическая ценовая конкуренция будет постепенно вытесняться неценовыми

методами рыночного соревнования. К ним Веблен отнёс «умение продавать» (ценоувеличивающую рекламу, упаковку, логистику), а также привилегии от правительств: государственные заказы, влияния на расходы и доходы, внешнюю и трудовую политику.

Американский экономист Э. Чемберлин отмечал, что монопольное положение фирмы на рынке является очень частым явлением и не связано с масштабами самой фирмы. Суть монополии сводится к контролю над предложением, а значит, и ценой. Сам контроль достигается посредством дифференциации продукта.

Оценивая социально-экономическое влияние монополий на экономику и общество, Э. Чемберлин отмечает, что они устанавливают меньший объём производства, чем конкурентные фирмы, а, значит, способствуют росту безработицы, поскольку имеет место недозагрузка производственных мощностей. Для борьбы с этим побочным эффектом экономист предлагает ограничивать монопольные действия производителей. Одновременно он заявляет, что безработица является платой общества за дифференциацию товаров, которая способна удовлетворить вкус любого покупателя. Несмотря на то, что Чемберлин сумел посмотреть дальше многих своих предшественников, отрицавших проблему монополий в качестве системной составляющей капиталистической экономики, в своей работе он фактически проигнорировал важнейшую тенденцию, которую трудно было не заметить: стремительную концентрацию и централизацию капитала. Чемберлин также игнорирует такое важное явление как объективное стремление компании к завоеванию и сохранению господствующего положения на рынке. И это стремление материализуется в соответствующей политике. Американский экономист совершенно не принимает в расчёт картели, синдикаты и тресты, которые во второй четверти XX в. уже много десятилетий были неотъемлемой составляющей капиталистической экономики. Слияния и поглощения конкурентов, рейдерские захваты компаний, лоббизм, позволяющий получить преференции от государства на экономическую деятельность, демпинг, подкуп, сговор - все эти объективное следствие стремления победить в конкурентной борьбе оказываются вне рамок его исследования. Такой взгляд на проблему видится весьма ограниченным.

Тем не менее, дифференциация товара, на которой делает акцент Чемберлин, влияет на степень монополизации рынка. Чем более однородная продукция на нём представлена, чем в большей мере товары способны замещать один другой, тем сильнее конкуренция.

Представитель левого кейнсианства Дж. Робинсон, смогла взглянуть на проблему конкуренции и монополии шире, чем это сделал Чемберлин. В целом она негативно оценивает процесс монополизации экономики: «...Монополизация производства может повлечь за собой неблагоприятное распределение ресурсов по направлениям использования и что она в любом случае неблагоприятно влияет на распределение богатства между людьми»[\[10\]](#). Также, как и Э. Чемберлин, Дж. Робинсон рассматривает монопольную ситуацию на рынке как следствие дифференциации продукта. Однако работы этих экономистов имеют ряд существенных отличий.

Ставя вопрос о монопольном положении фирмы, Робинсон принимает в расчёт не только дифференциацию продукта, но и процесс концентрации капитала. Ряд ее высказываний говорит о том, что под монополией ею подразумевается крупное производство. «Монополия должна быть гораздо больше, чем оптимального размера предприятие»[\[11\]](#), она должна иметь организацию, «контролирующую цены и распределение выпуска продукции между отдельными производственными единицами»[\[12\]](#). Таким образом, монополию Робинсон связывает не просто с рынком, но и непосредственно с производством. «Везде можно наблюдать действие тенденции к монополизации, проявляющейся в форме программ ограничения, систем квотирования, рационализации, роста гигантских корпораций»[\[13\]](#), - пишет Робинсон, касаясь этого вопроса лишь поверхностно, а основу своего анализа сводя к рыночным аспектам монополизации. Кроме того, она использует понятие ценовой дискриминации как инструмента в руках монополиста, позволяющего ему обеспечить монопольную прибыль. Поскольку цену товара монополиста во многом определяет эластичность спроса на товар, он максимизирует доход, разделяя рынок на сегменты. Каждому сегменту следует установить такую цену, которая соответствовала бы характеру спроса в этом сегменте. Т.е. наиболее высокая цена должна быть установлена в сегменте с наименьшей эластичностью, а самая низкая цена - там, где эластичность близка к абсолютной. Таким образом, монополии делят для себя рынок на несколько секторов, исходя из уровня дохода потребителей. Сначала новый товар продаётся по наивысшей цене в расчёте на наиболее состоятельные слои общества, которые готовы переплатить за новинку. Затем, спустя некоторое время, после того как «сильный» рынок оказывается насыщенным, монополист снижает цену, привлекая менее обеспеченных потребителей. Такой механизм с успехом применяется и сегодня.

Австриец Й. Шумпетер давал положительную характеристику процессу монополизации как составной части инновационного процесса. Сами монополии он рассматривал в качестве мотора экономического развития. Он отмечал, что монополии способны в силу своих масштабов вкладывать значительные средства в НИОКР и тем самым имеют гипотетическое превосходство перед конкурентными фирмами. Значит, развивая производительные силы, монополия в долгосрочной перспективе не завышает цены по сравнению с конкурентной фирмой, и, следовательно, разница между господством монополий и свободной конкуренцией исчезает. Делая такого рода утверждения, Шумпетер не принимал в расчёт тот факт, что в условиях стремительной монополизации экономики качественно меняется сама конкуренция. Очевидно, что совершенная конкуренция между бесконечно большим количеством компаний на рынке отнюдь не тождественна конкуренции между несколькими гигантскими корпорациями. Последние в различных условиях могут вступать друг с другом в сговор, влиять на несколько отраслей одновременно и таким образом определять конъюнктуру рынка (что исключено в условиях свободной конкуренции). Монополии способны уничтожить или подчинить себе более мелких конкурентов и таким образом сдерживать уровень цен в кризисные времена, и препятствуя восстановлению экономики. Монополии имеют возможность придерживать товар в условиях повышенного спроса, максимизируя его цену. Шумпетер фактически пытается поставить знак равенства между такими понятиями, как монопольная прибыль и сверхприбыль, которую получают отдельные предприниматели в т.ч. и в результате технических нововведений. Однако такое отождествление нельзя назвать корректным, поскольку эти два вида прибыли имеют разную природу. Сверхприбыль (обычно возникающую в результате временного неравновесия спроса и предложения) имеет место и в условиях свободной конкуренции, тогда как монопольная прибыль обеспечена исключительно способностью монополиста ограничивать производство, изменяя цену продукта в свою пользу. В те времена, когда Шумпетер формулировал эти идеи, монополии опровергали их своей политикой в условиях кризиса - Великой депрессии. В целях повышения цен монополии не останавливались перед уничтожением продовольствия. «Американский бизнесмен Теодор Куинн, опубликовавший книгу под названием «Гигантский бизнес — угроза демократии», вынужден был признать, что «когда тонны картофеля и огромное количество рогатого скота и свиней, хотя в них нуждаются люди, должны быть уничтожены для того, чтобы предотвратить падение цен, то эта нетерпимая искусственная мера олицетворяет собой приговор системе»»[\[14\]](#).

1.3. Теоретики марксизма о проблемах монополизации рынка

Третье направление экономической мысли, к которому можно отнести преимущественно марксизм, определяет монополизацию экономики как неизбежный этап капиталистического развития, ведущий его к самоотрицанию и создающий благоприятные условия для повышения производительности труда, технологического роста и обобществления средств производства. Ещё в середине XIX-го века, в те времена, когда неоклассический «мейнстрим» рассматривал монополии в качестве девиации относительно нормального течения вещей, а свободная конкуренция большинству экономистов представлялась «законом природы», немецкий философ Карл Маркс отметил тенденцию к образованию капиталистических монополий.

По Марксу, они возникают как следствие высокого уровня концентрации и централизации капитала и благодаря своему весу в экономике получают возможность извлекать сверхприбыль через установление монопольных цен. Такая прибыль отличается от прибыли производителя, извлекающего её благодаря техническому превосходству. Монопольная прибыль включает в себе кроме прибавочной стоимости, полученной посредством эксплуатации рабочих, ещё и следующие элементы: часть прибавочной стоимости от немонополизированных предприятий, часть стоимости от мелких товаропроизводителей, часть стоимости, созданной в колониях. Монополизация капитализма является преградой для развития родного для него способа производства. Капитализм тем самым породил своё собственное отрицание. Маркс сумел раскрыть противоречивое единство монополии и конкуренции: "В практической жизни мы находим не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их синтез, который есть не формула, а движение. Монополия производит конкуренцию, конкуренция производит монополию. Монополисты конкурируют между собой, конкуренты становятся монополистами... Синтез заключается в том, что монополия может держаться лишь благодаря тому, что она постоянно вступает в конкурентную борьбу»[\[15\]](#). Таким образом, монополизация экономики не устраняет конкуренцию, а существует рядом, параллельной с ней, искажая её и подрывая первоначальный смысл. Конкуренция переходит на иной качественный уровень. В экономике США доля отраслей с чистыми монополиями, доминирующими компаниями или олигополиями снижалась на протяжении второй половины XX в.[\[16\]](#). Однако это не означает, что экономика становилась более конкурентной. Монополизация

экономики накладывает свой отпечаток на взаимоотношения рыночных акторов. Кроме традиционных для рыночной экономики картельных сговоров крупных фирм, монополии могут приводить к завышению отпускных цен за счёт т.н. эффекта ценового лидерства, когда все крупнейшие участники рынка повышают цены друг за другом, не вступая в ценовое соперничество.

В.И. Ленин наследовал диалектический подход Маркса к описанию места монополии в капиталистическом способе производства. Он отметил, что монополии не существуют в чистом виде, а соседствуют рядом с обменом, рынком, конкуренцией и кризисами. Используя своё превосходство, монополии и союзы монополистов имеют возможность подчинить себе других участников рынка. Инструментов имеется великое множество: лишение сырых материалов и рабочих рук, лишение подвоза и сбыта, сбивание цен и сговор с покупателем, лишение кредита через аффилированные финансовые структуры. Таким образом, от традиционной конкуренции между крупным и мелким капиталом, передовым и технически отсталым не осталось и следа, она изменила форму, изменила качество. Современный Ленину этап развития монополистического капитализма он определял, как империализм. В условиях империализма возникает финансовый капитал через сращивание производственного и банковского капиталов.

Австрийский марксист Р. Гильфердинг ограничивает определение финансового капитала подчинением промышленного капитала банковскому. При этом он отмечает, что банки сами заинтересованы в свертывании конкуренции на рынке. Логика такова: банк кредитует несколько предприятий одной отрасли промышленности. Конкурентная борьба между ними может привести к победе одной компании и поражению других. Кроме того, сама конкурентная борьба в течение некоторого времени несёт в себе убытки для её участников, в результате чего банк рискует остаться без выплат и потерять должника. Таким образом, объективные стремления банков тут совпадают с интересами промышленных предприятий, жаждущих господства на рынке^[17]. В современных условиях промышленные предприятия также сохраняют высокую зависимость от банковского капитала. Финансовый капитал продолжает сохранять опору на своей основе - производственном капитале. Однако в условиях глобализации финансовый капитал получил новые точки роста, к которым, в первую очередь, относится стремительный рост фиктивного капитала. Финансовый сектор опережает рост экономики, растут финансовые потоки, распределяемые через мировой финансовый рынок.

Империализм характеризуется возникновением монополий нескольких видов: картель, как соглашение компаний, сохраняющих производственную и сбытовую независимость и направленное на формирование единой ценовой политики; синдикат как объединение фирм, сохраняющих производственную самостоятельность, но теряющих сбытовую, поскольку продажа товара ведётся совместно через общий сбытовой орган. Такая форма монополистического союза соответствует отраслям с большей однородностью товаров; трест как объединение лишённых производственной и сбытовой независимости компаний, управляемых из единого центра; концерн как объединение фирм, банков, торговых предприятий. Отличительная особенность - финансовая зависимость от определенной группы капиталистов.

К этому списку необходимо добавить и финансовые группы как объединения формально самостоятельных концернов и других видов монополий через систему участия и финансовой зависимости от «финансового дома» (дом Морганов, Рокфеллеров и др.).

После Второй мировой войны появились новые формы монополистических объединений - конгломераты, т.е. концерны, потерявшие своё отраслевое лицо. В них были объединены различные виды производств, не связанных между собой производственным, общим сырьём или условиями сбыта. Они создавались целью перелива капитала между отраслями минуя рынок капитала. Одними из самых известных компаний-конгломератов являются General Electric и Virgin Group. Важным стимулом к формированию конгломератов является попытка корпораций увеличить фиктивный капитал за счёт повышения курса акций присоединённых компаний. Конгломераты часто формируются не из логики хозяйственного развития, а из спекулятивных целей. Разрастание фиктивного капитала является одной из причин так называемой «финансиализации», т.е. гипертрофированного развития финансового сектора, что в конечном счёте приводит к возникновению финансовых пузырей и прочих дисбалансов в экономике.

Транснациональные корпорации - ещё одна форма монополистических объединений, свойственная современному капитализму. Они представляют собой международные концерны. Их транснациональность проявляется в географии их деятельности и источниках капитала (акции свободно продаются на фондовых рынках). Однако ТНК часто национальны по контролю. Так, после слияния концерна «Даймлер - Бенц» (ФРГ) и «Крайслера» (США) фактический контроль за деятельностью последнего перешел к западногерманскому капиталу[18]. ОАО «Газпром», будучи транснациональной корпорацией, контролируется российским

капиталом. Впрочем, здесь имеются исключения. Англо-голландская нефтяная компания “Ройял Датч - Шелл” - один из крупнейших мировых производителей - контролируется капиталом двух стран. Ещё одним признаком империализма является завершение территориального раздела мира, что с неизбежностью рождает войну за новый передел и возникновение монополистических союзов, делящих между собой мир. Верность этого тезиса постоянно подтверждается событиями на мировой арене, продолжающимися войнами, геополитическими кризисами, противостоянием между странами, в которых в наиболее иллюстративной форме проявляется сращивание интересов государств и монополий, в первую очередь, сырьевых. К началу XX века свыше 35% населения земли проживали в колониях, а ещё 22% в полуколониях^[19]. Крупнейшими колониальными державами той эпохи были Англия и Франция. Колонии подвергались жестокой эксплуатации странами метрополии, превративших их в сырьевые придатки. Важной составляющей эпохи колониализма было такое явление, как вывоз капитала. Он определяется процессом «перезревания» капитализма метрополий, который ищет прибыльного помещения капитала в отсталых странах. Развивая эту тему, Ленин создал задел для исправления некоторого упущения в марксистском анализе капитализма.

Представители американского неомарксизма П. Баран и П. Суизи исследовали империализм в условиях подъёма капиталистической экономики после Второй мировой войны. Это обстоятельство натолкнуло их на мысль о том, что известный марксистский закон убывающей нормы прибыли перестаёт работать в условиях монополистического капитализма. Монополии осуществляют эксплуатацию трудящихся посредством снижения заработной платы рабочим, опустошения колоний и монополистической наценке. Исходя из этого, причиной капиталистического кризиса является образование излишков, «превышения возможностей накопления над возможностями инвестирования»^[20]. Экономический излишек Баран и Суизи определяли, как соотношение «результата общественного производства и стоимости этого производства. Размер излишка — это индекс производительности и богатства; того, насколько общество свободно в достижении целей, которые оно может перед собой поставить. Сама система не способна существовать без внешних источников роста и выгодных возможностей для инвестирования. Тем самым монополистический капитализм приобретает агрессивный «звериный оскал», не свойственный его конкурентному прошлому. Баран и Суизи разработали собственную теорию империализма и связей центра с периферией, объясняющей состояние экономического недоразвития в капиталистическом мире и причины общей иррациональности капиталистического

производства.

Начиная с послевоенных лет и далее в советской экономической науке развивалась концепция государственно-монополистического капитализма, которая представлялась в качестве новой, более развитой формы монополистического капитализма. Экономическую основу государственно-монополистического капитализма составляет высокий уровень концентрации в промышленности и соединение высококонцентрированного частного и государственного капиталов. Политическую - противостояние социалистической и капиталистической систем, в которой капиталистические государства поддерживали монополии в борьбе за рынки и передел мира.

Выводы:

Суммируя выводы первой главы, отметим, что, на наш взгляд, процесс монополизации экономики необходимо рассматривать в разрезе исторического развития экономики как объективную тенденцию. Монополизация представляет собой социально-экономический процесс становления монополии в качестве хозяйственной структуры, сложного комплекса, элемента институциональной структуры общества. Предпосылки к появлению монополий в рыночной экономике сложились в условиях второй промышленной революции конца XIX - начала XX вв. Экономический рост, основанный на стремительном развитии новых технологий сделал концентрацию и централизацию капитала необходимым условием экономического прогресса. Концентрация капитала приносила компаниям объективные преимущества перед конкурентами: возможность максимально использовать эффект от масштаба производства, который ведёт к сокращению издержек на единицу продукции; возможность мобилизовать финансовые ресурсы для своевременного обновления капитала; возможность широкого использования достижений НТП и, следовательно, повышения производительности труда; возможность минимизировать транзакционные издержки и риск неопределённости; возможность пережить кризисные времена, путём оптимизации ресурсов предприятия и т.д. Эти возможности монополии дали существенный толчок развитию капиталистической экономики.

Глава 2. Влияние монополизации на социально-экономическую трансформацию современного

мира

2.1. Практические аспекты монополизации современной рыночной экономики

Эта проблема, т.е. противоречие между концентрацией и монополизацией современного производства и как ее следствие отрицания свободной конкуренции, с одной стороны, а с другой стороны, сохранения конкуренции как двигателя и хранителя рыночной экономики в современных условиях, составляет предмет жесткой дискуссии в современной экономической теории. Последнюю позицию разделяют не только представители австрийской и чикагской научных школ (Мизес, Хайек, Ротбард, Фридман, Де Сото и др), но многие другие экономисты, так или иначе примыкающие к этому направлению. И в такой позиции есть своя логика. Так, П. Сален в книге с характерным названием «Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов» пишет, что вопрос состоит не в самом функционировании рынков, «а, напротив, в государственном вмешательстве и ослаблении дисциплины капитализма, вызванном этим вмешательством. Рынки стали жертвами такого вмешательства»[\[21\]](#).

Но есть и другая позиция, разделяемая многими другими экономистами, в т.ч. и лауреатами Нобелевской премии, которая состоит в том, что преодоление такого противоречия невозможно в рамках господствующей в мире парадигмы рыночного фундаментализма, рассматривающей свободный рынок и неограниченную конкуренцию в качестве основного средства обеспечения экономического роста, социальной справедливости и прогресса. По мнению американского экономиста Дж. Стиглица, рыночный фундаментализм представляет собой широко распространённую в мире идеологию, лежащую в основе политики крупнейших наднациональных институтов - Всемирного Банка и МВФ. Она явно переоценивает возможности рыночных отношений, саморегуляции и конкуренции, отрицая регулируемую роль государства в экономике. Практическое применение идей рыночного фундаментализма, нашедших своё отражение в политике Вашингтонского консенсуса, привело к обнищанию многие страны, в т.ч. Россию[\[22\]](#). Дж. Сорос, так же отмечает ошибочность тезиса о возможности самостоятельного уравнивания рынка: «Фундаменталисты считают, что рынки имеют склонность к равновесию, и в интересах общества - позволить всем рыночным игрокам без последствий преследовать свои личные интересы. Это явная ошибка, поскольку от

краха финансовые рынки спасал не рыночный механизм как таковой, а государственное вмешательство»[23]. «Рыночный механизм «невидимой руки» сам по себе не гарантирует прогресс никакой стране, если государство не в состоянии создать эффективные правила хозяйственного поведения», - пишет проф. А.А. Пороховский[24]. Проф. Д. Б. Эпштейн описывает рыночный фундаментализм как догму о том, что «рынок идеально функционирует сам по себе, без вмешательства государства, для современной рыночной экономики достаточно обеспечить наличие и охрану прав частной собственности, а также конкуренцию. Главные задачи государства — это как раз охрана прав частной собственности и конкуренции, а также «подбирать упавших и погибших» в конкурентной борьбе, то есть обеспечивать лишь минимальный уровень социальной помощи»[25].

Такое определение очень точно характеризует скрытый смысл идей рыночного фундаментализма, направленного в т.ч. на защиту интересов монополий. Ведь именно они в конечном счёте оказываются бенефициарами политики невмешательства государства в процесс рыночной конкуренции и защиты из собственности. Экономические реалии наглядно демонстрируют, что самоизлечение рынка от рисков, связанных с монополизацией экономики, является для него непосильной задачей. Более того, пустить ситуацию на самотёк - значит способствовать ещё большей монополизации экономики и усугублению системного финансового риска. Таким образом, поиск эффективного инструмента противодействия системному и другим рискам, вызванным монополизацией экономики, безусловно, лежит в плоскости государственного (общественного) вмешательства в этот процесс. Иными словами, перед обществом стоит вопрос, как выстроить экономическую политику таким образом, чтобы использовать преимущества монополий и нивелировать негативные последствия монополизации экономики.

Существуют множество точек зрения на то, каким образом должно действовать государство в отношении монополий.

Выше приводились разные точки зрения на этот вопрос, появившиеся в ответ на возникновение проблем с системно значимыми финансовыми институтами в США.

В научной литературе можно встретить тезис о том, что современная экономика движется по пути «интеграции социальных и экономических отношений, частных и общественных начал, в результате чего формируется социальная рыночная экономика и социоэкономические отношения»[26]. Часто отмечается дрейф капитализма в сторону социальной экономики, обеспечивающей «свободное

всестороннее развитие человека»[27]. Как правило, такие процессы связывают с тенденцией к социализации рыночной экономики. По мнению некоторых экономистов, зарождение такой тенденции началось в условиях социальных революций начала XX в., когда под влиянием массовых общественных движений частный капитал, оценив опасность собственным интересам, был вынужден искать более гибкие формы отношений с наемным трудом. Тогда же была основана Международная организация труда (МОТ), призванная играть важную роль в регулировании рынка труда. Следующим шагом навстречу социализации стала т.н. «управленческая революция», описанная Дж. Бернхэмом в 1930-е г.г. Тенденцию к отделению собственности от управления, в которой направляющая роль в экономике переходит от капиталистов к топ-менеджерам, должна была, на его взгляд, привести к компромиссу между трудом и капиталом через «справедливое» распределение прибыли между акционерами и рабочими[28]. Наконец, сегодня постиндустриальная экономика ставит перед бизнесом задачу расширения границ его социальной функции через создание рабочих мест, выплату заработной платы, выполнение налоговых обязательств, а также формирование благоприятного социального климата, стимулирование развития образования и инноваций[29]. Её решение сопровождается поиском «средств и инструментариев, способных решить проблемы социальной ответственности работодателей, общества и государства за обеспечение права каждого индивидуума на «достойное существование» как в сфере производства, так и за его пределами»[30].

К основным слагаемым социальной экономики относят: максимальное удовлетворение рынком потребностей общества при минимальных затратах; баланс расходов, необходимых для удовлетворения потребностей, обеспечиваемых рынком и обществом; минимизация разрыва между удовлетворяемыми и неудовлетворяемыми рынком общественными потребностями[31]. Обобщает вышесказанное энциклопедическое определение понятия социализации экономики, как «одного из ключевых составляющих мирового процесса, проявляющегося в социальной переориентации производства, гуманизации труда и жизни людей, смягчении социальной дифференциации и росте значения социальной сферы, деперсонификации собственности и других явлениях, и процессах»[32].

Все эти и многие другие определения сходятся к тому, что рыночная экономика приобретает некие социальные свойства, изменяется и подстраивается под новые вызовы, которые ставит перед ней процесс исторического развития общества. Тем самым происходит постоянное совершенствование рыночной модели благодаря её

адаптивным свойствам, характеризующееся «переплетением трех системообразующих компонентов: рыночной системы хозяйствования, сознательного регулирования экономики государством и социальной устойчивости»[\[33\]](#). Такое описание происходящих в современной экономике процессов сужает горизонт анализа, затрагивает лишь надстройку, не касаясь базиса и тем самым не позволяет системно рассмотреть данную проблему. Тем более, говорить о гуманизации труда и жизни людей, расширении социальных гарантий и обеспечении условий для всестороннего развития человека в современном мире можно с большой долей условности. Такая характеристика применима лишь к социально-экономическим системам стран т.н. «золотого миллиарда», которые сконцентрировали на себе ключевые финансовые и товарные потоки, а также вывели значительную долю промышленного производства в отсталые страны. В Бангладеш или Сомали, в России или Китае мы наблюдаем высокую степень бедности и социального расслоения, низкий уровень развития социальной сферы, что явно не соответствует идее о «социальной переориентации» рыночной экономики как системы.

Катаклизмы мирового капитализма, проявляющиеся в регулярных и постоянно углубляющихся кризисах, вызванных в т.ч. и процессами монополизации, ставят перед обществом принципиальную потребность поиска ответов на эти вызовы.

Развитие современной экономики в разрезе монополизации и её последствий протекает в русле, описанном Й. Шумпетером: «постепенно складывается все больше технологических, организационных, коммерческих, административных и психологических предпосылок социализма»[\[34\]](#). К таким предпосылкам помимо прочего он относил контроль над бизнесом со стороны небольшого слоя бюрократизированных корпораций (фактически, речь идёт о монополиях), деперсонификацию собственности и управления через развитие акционерных форм собственности.

«Движение к социализму, заложенное в самом развитии капитализма, происходит постепенно, небольшими шагами», - писал Шумпетер. И одним из таких шагов можно смело назвать монополизацию современной экономики, посредством которой «процесс капиталистической эволюции формирует материальные условия и души людей, готовя почву для социализма»[\[35\]](#). Трудно однозначно сказать, находится ли современная экономика в отмеченных Шумпетером условиях зрелости для обобществления, но она движется к этому состоянию. Двигается автоматически «т.е. независимо от чьей-либо воли и каких-либо социальных мер. Но этот процесс, наряду с другими следствиями, также порождает и эту волю, а

затем и соответствующие меры - законодательные акты, административные решения и т.п», - отмечал Шумпетер. Монополизация экономики является одним из двигателей процесса социоальтерации. Концентрация и централизация капитала, с одной стороны, создают все условия для эффективного общественного управления экономикой, а с другой, демонстрируют обществу необходимость обязательного использования этих преимуществ, без которых преодоление ключевых противоречий современной экономики было бы невозможным.

2.2. Вытеснение рыночных отношений в современной экономике под воздействием монополизации

В узком смысле национализация представляет собой «законный государственно-властный акт, состоящий в принудительном прекращении права частной собственности на определенные имущественные комплексы и (или) права частного участия в делах и капиталах организации и возникновении права собственности на это имущество (права участия в делах и капиталах) у государства с целью обеспечения государством функциональности соответствующего сектора экономической системы в экстремальных условиях (революции, войны, кризиса и т.п.)»[\[36\]](#). В более широкой трактовке о национализации говорят, как о всяком приобретении государством хозяйственных субъектов или значительной доли в них. Как правило, в современном мире национализация производится на условиях адекватной компенсации собственнику[\[37\]](#). К практике национализации частных банков, в т.ч. и принудительной, в период последних трёх-четырёх десятилетий обращались во многих странах, в особенности в годы Великой рецессии. Успешнее всего эти меры применялись в Швеции, поэтому такую антикризисную модель принято называть «шведской»[\[38\]](#). Рассмотрим эти примеры более подробно.

80-е - 90-е гг. прошлого столетия ознаменовались банковским кризисом, поразившим страны скандинавского региона. В первую очередь - Норвегию, Швецию и Финляндию. Основными причинами кризиса стали либерализация финансового сектора в 80-х годах, расширение потребительского кредитования при фактической отмене ограничений на выдачу кредитов, стремительный рост рынка ценных бумаг.

Во всех этих странах государства играли активную роль в преодолении кризиса и применяли схожие меры воздействия на экономику. В 1991 г. обанкротились второй и третий крупнейшие банки Норвегии (Christiania Bank и Fokus Bank). Лидер отрасли (Den Norske Bank) утратил 90% капитала. Совокупные активы трёх банков составляли 54% от объёма активов всего банковского сектора[39]. В первое время убытки банков компенсировались из гарантийных фондов. Кроме того, активно применялась практика поглощений мелких обанкротившихся банков более крупными финансовыми институтами. Затем в помощь гарантийным фондам государство объявило о создании Государственного Банковского Гарантийного Фонда, капитал которого равнялся 1,7 млрд долл. (около 1,2% ВВП Норвегии). Фонд получил право выкупа акции банков Норвегии, находящихся в наиболее тяжком положении, после чего три самых больших банка подверглись фактической национализации.

Позже, когда кризис был преодолен, государство начало постепенно продавать акции банков. Fokus Bank был полностью приватизирован в короткий срок в 1995 г. Christiania Bank распродавался более долгое время. В течение нескольких лет государство исходило из необходимости сохранить за собой треть акций финансового института. Такого рода ограничения вынуждали банки проявлять большую изобретательность в самостоятельном решении их проблем.

В 1991 г. шведское правительство выдало кредит крупнейшему банку страны Forsta Sparbanken на увеличение капитала. Совокупные поступления составили около 1,3 млрд долл. Годом позже в очереди за помощью к государству стояли уже десятки банков, и власти были вынуждены пойти на более решительные меры.

Во-первых, государство объявило о всеобщей гарантии по обязательствам банков в обмен на долю в их капитале. Мера была снята лишь в 1996 г. и позволила привлечь внешнее финансирование от иностранных банков. Во-вторых, государство национализировало два банка из числа крупнейших - Nordbanken и Gota bank. Условием санации стало покрытие убытков за счёт акционерных капиталов банков. После национализации Nordbanken из его активов были выделены непрофильные, не относившиеся к его основной деятельности (в секторе недвижимости, производства, строительства и сфере услуг). Для управления этими активами государство создало т.н. «плохой банк» Securum, управляемый опытными специалистами. В итоге сомнительные активы удалось постепенно реализовать. Важно отметить, что государство не выкупало токсичные активы у банка, а стало управлять ими уже после того, как банк был национализирован. Такая тактика позволила избежать трудностей при оценке «плохих активов» при выкупе их у

банков: слишком высокая цена покупки вылилась бы в неоправданную растрату бюджетных средств, в то время как слишком низкая не принесла бы тонущим банкам ощутимой поддержки. В-третьих, государство прибегло к выборочной рекапитализации банков в, которые, по мнению регулятора, имели шансы на выживание, через увеличение их собственных средств. В такой ситуации государство выкупало обыкновенные акции банка. В противном случае банк зарывали либо подвергали поглощению.

Эти и другие действия властей Швеции позволили в относительно короткий срок справиться с разрастающимся кризисом и локализовать его на ранних стадиях. Банковский кризис завершился в середине 1990-х. Тогда же решение о слиянии приняли два крупнейших банка Финляндии - Suomen Yhdyspankki и Kansallispankki. Новый банк получил название Merita и впоследствии стал частью Nordea. Таким образом, концентрация банковской системы страны усилилась после кризиса.

Финансовый кризис в Юго-Восточной Азии 1996-1997 г.г. стал серьёзным вызовом мировой экономике. Предпосылки к его развитию сложились в ходе быстрого роста экономик в странах, относящихся к т.н. «азиатским тиграм». Это вызвало активный приток капитала в эти страны, разрастанию государственного долга и долгов частного сектора, пузырям на рынке недвижимости и т.д.

В Японии банковскому кризису предшествовала финансовая либерализация, выражавшаяся в виде отмены госрегулирования процентных ставок, увеличения лимитов на кредитование и снятия ограничений на рынке облигаций. Такая политика привела к обострению конкуренции между банками, которые значительно расширили объёмы кредитования, в т.ч. СМБ, домохозяйств, строительных компаний. В условиях роста цен на рынке недвижимости раздулся «пузырь», лопнувший в 1989 г. Дисбалансы усугубились потрясениями на фондовом рынке, что во многом спровоцировало падение цен на недвижимость:

В отличие от большинства похожих историй, острая фаза банковского кризиса в Японии наступила с некоторой задержкой, и вплоть до 1997 г. кризис носил скрытый характер. В отсутствие серьёзных потрясений, правительство страны практически не принимало мер к нормализации дел в банковском секторе. Государство ограничивалось вялой скупкой «плохих» активов по цене ниже номинала, что сохраняло необходимость рекапитализации банков. Позднее такую политику назовут «потерянным десятилетием». В Индонезии кризис проявился в виде активного оттока капитала и стремительной девальвации национальной валюты. Жесткая монетарная политика регулятора привела к дефициту

ликвидности. Проблему усугублял высокий уровень концентрации сектора, сосредоточение значительной части активов в руках узкого круга крупнейших инвесторов, а также широкое распространение коррупции и лоббизма, снижавших эффективность защитных мер.

В Республике Корея активный рост компаний и, как следствие, их интенсивное кредитование со стороны банковского сектора привёл к тому, что в 1997 г. внешняя корпоративная задолженность страны достигла 110 млрд долл. Отношение задолженности к собственному капиталу 30 крупнейших чеболей (финансово-промышленных групп монопольного типа, находившихся в собственности определённых семей и под единым административным и финансовым контролем) достигало 600%. При этом объём золотовалютных резервов республики составлял всего 30,5 млрд долл. В ходе валютных интервенций государства ЗВР сократились ещё на 7 млрд долл.[\[40\]](#)

Во всех, упомянутых выше странах, государства в том или ином виде прибегли к национализации проблемных банков. В Японии к решительным мерам государство перешло лишь после того, как в 1997 г. банкротами были объявлены несколько крупнейших финансовых институтов, в т.ч. страховая компания Nissan Life Insurance и банк Hokkaido Takushoku Bank. Власти объявили всеобщую гарантию по депозитам и рекапитализации банков. Последняя мера заключалась в том, что специально созданная Комиссия по Финансовой Реконструкции проводила инспектирование банков, а затем принимала решение о рекапитализации.

Обязательным его условием было предоставление банком «плана по восстановлению бизнеса». Государство скупало привилегированные акции и таким образом получало эффективный инструмент по воздействию на менеджмент учреждения.

Власти Индонезии в рамках антикризисной политики прибегали к ликвидации, национализации и рекапитализации финансовых институтов. Всего было ликвидировано 64 слабых банка. Однако по причине активного давления со стороны лоббистов регулятор не мог закрыть все проблемные институты. Кроме того, методология определения жизнеспособности банков была непрозрачной. Такие действия лишь усугубили кризис, спровоцировав набеги клиентов на банки.

Управление рекапитализацией банков было поручено Агентству по реструктуризации банков, которое провело аудит всех банков, разделив их на категории платёжеспособности, исходя из коэффициента покрытия риска. Самые

слабые подвергались ликвидации или слиянию. Здоровые - предоставлены сами себе. Банки со средними показателями были реструктурированы. Характерно, что государственные банки подверглись реструктуризации даже находясь в самой слабой группе. Причина тому - системный риск, который выражался в том, что государственные банки обладали 50% активами рынка. В 1998 г. государство национализировало 13 крупных банков[41]. Кроме нежелания или отсутствия возможностей их акционеров капитализировать банки, государством двигал страх перед всё тем же системным риском. В целом выход из кризиса обошёлся Индонезии в сумму, сравнимую с 55% ВВП, что стало следствием не столько проблем в антикризисной политике, сколько противоречий политического устройства страны.

Республика Корея в своей истории неоднократно прибегала к национализации банковского сектора. В 1961 г. вся банковская система страны перешла под контроль государства. Эта мера стала частью политики Пак Чонхи по трансформации экономики страны из состояния отсталой аграрной к передовой индустриальной. В период бурного экономического роста банки были вновь приватизированы в начале 1980-х. Тем не менее государство сохраняло контроль над многими банками через значимые доли в их акционерном капитале. В годы Азиатского кризиса государство выделяло средства на поддержку лишь платёжеспособным институтам с определённым уровнем достаточности капитала. Также была введена всеобщая гарантия по банковским обязательствам. С проблемой «плохих» активов удалось справиться благодаря учреждению Корейской компании по управлению активами. Государство выкупала «плохие» долги ниже их балансовой стоимости. Это способствовало возникновению частного рынка «плохих» долгов. Важным антикризисным шагом стала национализация двух крупнейших корейских банков, чьё банкротство могло нанести сильный удар по стабильности всей банковской системы. Одновременно 5 небольших банков были ликвидированы. Затем, в 2000 г. государство запустило второй этап национализации, чтобы не допустить разрушения хрупкого равновесия, которого удалось достичь в экономике. В результате в собственности государства оказались уже 8 банков, а совокупная доля государства в банковских активах Кореи достигла 54%[42].

Национализация банков существенно упростила процедуру их рекапитализации и выкупа «плохих» активов. Эта мера способствовала стабилизации сектора, но обошлась большими расходами для налогоплательщиков, эквивалентными 30% ВВП Кореи. Этот кризис стал одним из наиболее дорогих в истории последних

десятилетий в мире. Используя власть на рынке банковских услуг, государство стало активно способствовать его концентрации.

Продаже подверглись ряд банков, национализированных в годы кризиса. Однако нельзя не принять во внимание тот факт, что приватизация и привлечение внешних инвесторов не стали, вопреки традиционной для рыночного фундаментализма точке зрения, ключевым драйвером этого роста. Более того, государственные банки Республики Корея показали себя более успешными в годы кризиса и в посткризисный период, чем частные и принадлежащие иностранному капиталу.

Так, за период с 2001 по 2005 г.г. государственный холдинг Woori Finance Holdings опередил всех своих конкурентов по таким показателям, как достаточность капитала, рентабельность активов и рентабельность капитала. Компания показала один из лучших результатов по доле рискованных кредитов и росту объёмов кредитования экономики. Приход в банковский сектор Кореи иностранного капитала двойственно сказался на стабильности экономики страны в целом. С одной стороны, такие банки не выдали баснословных кредитов промышленно-финансовым группам (что привело к кризису 1990-х). Тем самым была разорвана складывавшаяся годами связь между чеболями и банками через государство, которое использовало административные рычаги для кредитования монополий. С другой стороны, иностранные банки сконцентрировались на агрессивном захвате рынка потребительских кредитов, стремительно расширяя его. Опрометчивая кредитная политика и слабая оценка рисков привели к развитию «кризиса кредитных карт» в 2003 г. На рынке потребительского кредитования надулся большой «пузырь». 10% населения не смогло погасить кредиты по картам.

Государству вновь пришлось вмешиваться в ситуацию, спасая крупнейшего оператора кредитных карт LG-Card бюджетными выплатами. Характерно, что в условиях кризиса национальные банки приняли активное участие в государственной программе спасения LG-Card и сектора в целом. В то время как иностранные банки уклонились от сотрудничества, несмотря на предварительные соглашения. Таким образом, государство всё же пошло на приватизацию большинства банков и привлечение иностранного капитала. Зачем это было сделано? Очевидно, не только из соображений экономической эффективности, поскольку финансовый институт, управляемый государством, демонстрировал более успешные результаты. По мнению ряда экспертов, причина банковской приватизации лежала отчасти в политической плоскости. К такому шагу корейские власти подтолкнула вера в большую эффективность частной собственности по

сравнению с государственной; желание ограничить монопольную власть чеболей; давление со стороны МВФ. Таким образом, из опыта корейского кризиса можно сделать важный вывод о том, что частная собственность в современных условиях как минимум не всегда оказывается более эффективной, чем государственная. Превращение банковского сектора Кореи в независимый бизнес, ориентированный на получение прибыли, имел свою цену. Повышение прибыльности банковского сектора привело к снижению эффективности работы банка в качестве проводника сбережений в инвестиции: кредитование промышленности, в т.ч. малого и среднего бизнеса, существенно сократилось. Также приватизация не привела к преодолению «морального риска» и не гарантировала защиту от финансовых пузырей.

В годы финансового кризиса 2008-2009 гг. государства активно прибегали к практике национализации банков. В таких странах, как Австрия, Бельгия, Дания, Германия, Исландия, Ирландия, Латвия, Люксембург, Монголия, Нидерланды, Великобритания и США национализация применялась столь же активно, как и поддержка ликвидности, рекапитализация банков, госгарантии по банковским обязательствам. Типичной является национализация системно значимых финансовых институтов, в которых государство получает наибольшую долю капитала.

В таких странах, как Франция, Греция, Венгрия, Казахстан, Португалия, Россия, Словения, Испания, Швеция и Швейцария регуляторы ограничились более мягкими мерами - представлением ликвидности и гарантий по обязательствам банковского сектора. В Великобритании государство в качестве антикризисной меры использовало схему предоставления ликвидности банкам через механизм свопа ценных бумаг, обеспеченных ипотекой, на гос. облигации сроком до 3 лет. Также государство предоставляло банкам краткосрочные займы под залог активов и дало старт программе защиты активов, в рамках которой банки получили возможность приобретать гарантии от потерь сверх установленного уровня по определенным классам активов. В 2008 г. был национализирован один из крупнейших ипотечных банков Великобритании Northern Rock, который регулятор пытался спасти через предоставление гарантий по депозитам. После того, как задолженность банка перед ЦБ достигла 27 млрд фунтов^[43], было принято решение о национализации. В 2010 г. банк был разделен на два учреждения, в одном из которых (Northern Rock) были сосредоточены «хорошие» активы банка с перспективой продажи частным инвесторам, а в другом (Northern Rock Asset Management) - «плохие», в т.ч. невозвратные ипотечные кредиты. Позже в 2012 г. Northern Rock был приватизирован компанией Virgin Money.

Частичной национализации был подвергнут банк Bradford & Bingley. Государство изъяло ипотечный бизнес банка без компенсации собственникам. Остальное, включая сеть филиалов, было продано испанской Santander Group. В ходе рекапитализации в собственности государства оказалось 82% акций Royal Bank of Scotland, которое сменило председателя совета директоров и президента банка. Также государство получило долю в 44% в капитале Lloyds Banking Group, который был слит с HBOS. Позже в ходе приватизации эта доля была снижена до 14%. Некоторые подробности финансового кризиса в США приводились выше. Сейчас отметим, что государство предприняло ряд серьёзных мер для стабилизации ситуации в финансовом секторе. К ним можно отнести программу покупки проблемных активов (TARP) и поддержки капитала (CAP), предоставление гарантии по активам банка Citigroup, утверждение плана финансовой стабильности, учреждение частно-государственных фондов по выкупу активов (PPIP), а также проведение реформы регулирования финансового сектора.

Таким образом, практика показывает, что государства вынуждены прибегать к активному вмешательству в деятельность частных компаний в условиях экономического кризиса. Эта практика развенчивает распространённый в обществе миф, который Р.С. Гринберг сформулировал следующим образом: «стойкое представление, что в современном мире благоденствуют нации, которым удалось к минимуму свести государственное участие в экономике»[\[44\]](#). Господствующая в мире экономическая теория неолиберализма, признавая некоторую необходимую роль государства в экономике, с неодобрением относится к его вмешательству в дела частного бизнеса. Лидер немецкой школы неолиберализма В. Ойкен в целом сводил роль государственной политики к обеспечению конкурентности рыночной среды. Для этого, по его мнению, государство должно контролировать процессы инфляции и дефляции; ликвидировать отрицательные социальные последствия рыночных потрясений; создавать условия, препятствующие образованию монополий; гарантировать свободу частной собственности; обеспечивать свободу и открытость рынков[\[45\]](#). Обобщает позицию неолиберализма по вопросу роли государства в экономике программа представителей течения, обозначенная на конференции Париже в 1938 г. Её основные принципы, сводятся к следующему: государство должно определить правила и границы, в которых будут развиваться рыночные отношения, основанные на свободном движении капиталов и товаров, а также следить за их соблюдением. Государство должно поддерживать свободную конкуренцию и препятствовать образованию монополий. Вмешательство государства в экономику допускается лишь в случаях, когда оказывается невозможным оперативное возвращение рынка к равновесию на основе движения

цен, например, в период войны[46].

Однако, как показывает практика, в условиях кризиса государства вынуждены активно вмешиваться в деятельность монополий, в т.ч. для... защиты этих монополий, не допуская их разорения. Неолибералы, выступая против монополизации экономики, при этом возражают против прямого воздействия на них. Ойкен ратует за то, чтобы государство создавало условия, затрудняющие возникновения монополий и тем самым отбивающие у них стремление к монопольной власти. «Контроль за деятельностью монополий в условиях конкурентного порядка должен быть настолько решительным, чтобы оказывать сильное профилактическое воздействие», - отмечает экономист[47], считая, что таким образом «предотвращается само возникновение монополистических властных структур.

Наибольшие производительные возможности, самые подготовленные кадры, широкий доступ к кредиту и ресурсам и, в конечном счёте, возможность вытеснять с рынка своих конкурентов - всем этим обладает самый сильный игрок. В этом кроется одно из важных противоречий рыночной экономики.

Объективные условия современного экономического развития заставляют государства активно вмешиваться в дела монополий, спасти их, не допуская разорения. Сам ход экономического кризиса также вносит свой вклад в усиление монополизации экономики, поскольку даёт возможность крупным корпорациям, крепче стоящим на ногах, скупать и устанавливать контроль над терпящими бедствие малыми и средними корпорациями. В течение последних десятилетий масштаб вмешательства государств в экономические отношения существенно вырос во всех капиталистических странах. Современная рыночная экономика представляет собой модель, сильно отличающуюся от той, что господствовала в мире ещё 80 лет назад. Как отмечает В.А. Иванов, «современные государства развитых капиталистических стран принимают на себя функции контроля за степенью эксплуатации, за нормой прибыли и её обоснованностью, за кредитованием и дотациями, за уровнем прожиточного минимума, уровнем минимальной оплаты труда и т.п. Они контролируют до 40% цен на товары, изымают у частных владельцев значительную, а иногда даже большую часть прибыли и перераспределяют её в пользу общества в целом»[48].

В США государство через систему прогрессивного налогообложения изымает около 60% прибыли у монополий. В странах Северной Европы этот показатель достигает 80%. Тем самым государство «обобществляет результаты частного производства»

[49]. Кроме того, в наиболее развитых странах, входящих в ОЭСР, около половины ВВП распределяется через государственный бюджет, в то время как 100 лет назад этот показатель не превышал 10% [50]. Как отмечает американский экономист М. Ротбард: «Государство медленно, но верно брало в свои руки рычаги управления денежной системой, чтобы, во-первых, накачивать экономику заменителями денег по своему усмотрению, во-вторых, перейти к социалистическому управлению всей экономикой» [51]. Это явление объясняется отнюдь не высокими идеалами гуманизма, которыми руководствуются чиновники развитых стран мира. Современное государство вынуждено идти на такие шаги, поскольку экономика не может эффективно функционировать и развиваться иначе. Действия государства, направленные на смягчение последствий социального неравенства, являются необходимым условием для развития науки через обеспечение доступа широким слоям населения к высшему образованию; для роста производительности труда через повышение социальной стабильности и расширения социальных гарантий для трудящихся. Здесь, однако, необходимо отметить, что более выраженная социальная направленность внутренней политики самых развитых стран мира является, кроме прочего, следствием того, что эти страны обладают достаточными для этого ресурсами, накопленными в т.ч. благодаря эксплуатации периферии мировой капиталистической системы.

Выводы:

Однако государственная политика, активно применяемая сегодня, на деле не способствует разрешению фундаментальных противоречий современного экономического развития, в т.ч. в разрезе монополизации экономики и системного риска. Государство, вынужденное напрямую вмешиваться в рыночные процессы для борьбы с кризисами, лишь играет роль «пожарной команды», ликвидируя последствия кризиса. После этого национализированные предприятия вновь передаются в частную собственность, чем восстанавливается статус-кво. В конечном счёте активы остаются в распоряжении того же класса крупных собственников, лишь меняя принадлежность тому или иному его клану. По сути дела, государство выполняет функцию страховой компании частного сектора, восстанавливая рыночную стабильность за счёт средств налогоплательщиков. Как правило, такое развитие событий сопровождается существенным урезанием госрасходов в т.ч. в рамках политики жёсткой экономии, что сказывается на качестве социального обеспечения населения, ведёт к углублению неравенства и тормозит процесс экономического роста [52]. Такая политика в итоге приводит к тому, что последствия кризисов взваливаются на плечи трудящегося населения. В

западной научной литературе для характеристики такой тенденции был введён соответствующий термин: «privatizing profits and socializing losses» (приватизация доходов и социализация убытков). Эта проблема получила большой резонанс, став темой широкого обсуждения. Наибольшей критике подвергался такой инструмент государственного воздействия на рынок, как bail-out (экстренная финансовая помощь компаниям со стороны государства).

Заключение

Таким образом, современные реалии развития экономики ясно дают нам понять: саморегулирующийся рынок не способен разрешить накапливающиеся противоречия, обеспечить экономический рост, социальную справедливость и прогресс. Объективная реальность ставит перед обществом задачу активного вмешательства в процесс управления экономикой, в частности руками государства.

Сегодня мы являемся свидетелями социоальтерации современной рыночной экономики, которая представляет собой процесс вытеснения рыночных отношений, проявляющееся в развитии и повышении доли нерыночных элементов в рыночной экономике под воздействием монополизации. Такие перемены рождают собой предпосылки для совершенно новой стадии общественной эволюции, где всё общество принимает активное участие в управлении производством, распределением, обменом и потреблением, где создаются предпосылки к обобществлению экономики.

Всё чаще государства вынуждены прибегать к, по сути, нерыночным методам антикризисного управления, весьма жёстко обращаясь со священным правом частной собственности. На внутрифирменные потоки ТНК, осуществляемые на нерыночных принципах, приходится значительная часть мировой торговли. Крупнейшие компании используют механизмы планирования для наиболее эффективного распределения ресурсов между своими подразделениями и дочерними структурами. Более того планированию подвергается не только производство и сбыт, но и поведение потребителя.

Понятие социоальтерации можно определить, как вызревание и развитие нерыночных элементов в рыночной экономике, того, что Дж. Гэлбрейт называл планирующей системой. Происходит формирование объективных условий для подчинения экономических процессов интересам общества. Выражаясь словами Й.

Шумпетера, «постепенно складывается все больше технологических, организационных, коммерческих, административных и психологических предпосылок социализма» .

Однако двигателем общественного развития всегда является диалектическое сочетание объективных условий и субъективных факторов, т.е. сознательных действий человека. В условиях современного капитализма реализация субъективного фактора выражается через применение объективно необходимых инструментов планирования крупным капиталом, транснациональными корпорациями. Будучи подчинёнными удовлетворению частнокапиталистических интересов, применение плановых механизмов не только не позволяет разрешить многие фундаментальные противоречия современной рыночной экономики, но и создаёт новые. Сюда относится уже упомянутая проблема системно значимых финансовых институтов. Кроме того, сохраняется проблема перепроизводства и цикличности кризисов. Планирование сбыта со стороны ТНК приводит к нерациональному расходованию природных ресурсов и загрязнению окружающей среды.

Таким образом, обобществление монополий, подчинение его общественным интересам, использование инструментов планирования применительно ко всей экономике в целом, становится объективной необходимостью, шагом, который даст возможность человечеству, с одной стороны, использовать преимущества централизации и концентрации капитала, а с другой нивелировать негативные последствия господства монопольного капитала в современной экономике.

Библиография:

1. Акулов В.Б., Рудаков М.Н, Теория организации.- Петрозаводск: ПетрГУ, 2002
URL: <http://www.aup.ru/books/m150/9.htm>
2. Белов В. Национализация в российском гражданском праве: История и современность //Законодательство, 1999, № 2., с. 12
3. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Перевод с немецкого И. Степанова, четвертое издание // Государственное издательство Москва, 1924. с 222
4. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора - М.: Магистр, ИНФРА-М, 2012 с. 20

5. Жаворонкова И., Жанр кризиса // Банковское обозрение, №8 июль (151) 2011
URL: <http://bosfera.ru/bo/2011/08/zhanr-krizisa>
6. Жамс Э. История экономической мысли XX века. М, 1959 с. 229—231
7. Иванов В.А. Миф о свободном рынке и превосходстве частной собственности над общественной. // Вестник АПК Верхневолжья, №1-2008 с. 71
8. Илюшина Н.А, Национализация как средство стабилизации банковской системы в период кризиса // Вестник Московского университета МВД России № 2, 2011, с. 47
9. Курмалиева З.Х., Эволюция понятия «социальная экономика» // Вестник Адыгейского Государственного Университета. Серия 5: Экономика №1, 2011, с.248
10. Курс переходной экономики. Под ред. Абалкина Л.И. - Институт Экономики РАН, Москва, Финстатинформ, 1997, с. 57
11. Ленин В.И., Полн. собр. соч. - М.: Издательство политической литературы 5 изд. 1969, т. 27. с. 422
12. Маркс К, Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.4. // М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 с. 166
13. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. 2. // М.: Прогресс, 1993, с. 188
14. Минаев С., «Ошибки кредиторов» // Коммерсант: Власть, 1999. №32. С. 29.
15. Ойкен В. Основные принципы экономической политики - Москва Издательская Группа «Прогресс» «Универс», 1995 г., стр 335-378
16. Ойкен В., Основные принципы экономической политики - М.: «Универс», 1995 г., с. 387
17. Попов Ю.Н., Гришина Т.Н., Конкуренция и социализация рыночной экономики, Труд и социальные отношения № 11 2012 г. с. 11
18. Пороховский А.А. «Капитал» и экономикс: Вопросы методологии, теории, преподавания. Вып. 3. / Под ред. В.Н. Черковца. - М.: Экономфак МГУ, ТЕИС, 2009. С. 45
19. Робинсон Дж. «Экономическая теория несовершенной конкуренции» // М.: Прогресс, 1986 С. 416
20. Ротбарт М. Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества. - Челябинск: Социум, 2008. С. 114.
21. Смит Адам, Исследования о природе и причинах богатства народов, книга 1, глава 7. URL: <http://www.bibliotekar.ru/adam-smit78.htm>
22. Социализация экономики // Экономическая энциклопедия. — М.: Экономика, 1999.

23. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994- №4. с. 28
 24. Хайек Ф., Дорога к рабству - М.: Новое издательство, 2005, с.67
 25. Хасбулатов Р.И. Мировая экономика в 2-х тт. Т. 1. М.: Экономика, 2001. С. 392
 26. Шумпетер Й.А., Капитализм, социализм и демократия. // Москва: Экономика, 1995, с. 369
 27. Эпштейн Д.Б., Рыночный фундаментализм и аграрная политика в России // АПК: экономика, управление, №7, 2010 г., с. 48
 28. Юдаева К., Годунова М., Козлов К., Иванова К. Обзор центра макроэкономических исследований Стратегии выхода из банковского кризиса: международный опыт // Сбербанк России 07.04.2009 URL: http://sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/press_center/Review_6.pdf с. 54
 29. Юрманова Е.А Исторические, теоретические и практические аспекты социальной экономики: западноевропейский опыте // Экономический форум. Номер: 2 Год: 2012, С. 40
-
1. Смит Адам, Исследования о природе и причинах богатства народов, книга 1, глава 7. URL: <http://www.bibliotekar.ru/adam-smit78.htm> ↑
 2. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. 2. // М.: Прогресс, 1993, с. 188 ↑
 3. Маршалл А. Принципы экономической науки: в 2 т. М. : Прогресс, 1993. Т. 2. С. 182. ↑
 4. Ойкен В., Основные принципы экономической политики - М.: «Универс», 1995 г., с. 387 ↑
 5. Хайек Ф., Дорога к рабству - М.: Новое издательство, 2005, с.67 ↑
 6. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994- №4. с. 28 ↑
 7. Federal Procurement Data System. Reports // URL: <https://www.fpds.gov/fpdsngcms/index.php/en/reports> ↑

8. Baumol W.J. 1982. Contestable markets: an uprising in the theory of industry structure. // The American Economic Review, Vol. 72, No. 1, 1982, American Economic Association, URL: <http://www.jstor.org/stable/1808571> p.4 [↑](#)
9. Kreuger O., The political economy of rent-seeking // The American Economic Review, Vol. 64, № 3, June 1974, p.291 [↑](#)
10. Робинсон Дж. «Экономическая теория несовершенной конкуренции» // М.: Прогресс, 1986 С. 416 [↑](#)
11. Указ. соч. с. 11 [↑](#)
12. Там же [↑](#)
13. Указ. соч. С. 12 [↑](#)
14. Цит. по Блюмин И.Г. Критика буржуазной политической экономии. Том 2, Издательство Академии наук СССР, М. 1962 с. 404 [↑](#)
15. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т.4. // М.: Государственное издательство политической литературы, 1955 с. 166 [↑](#)
16. Хасбулатов Р.И. Мировая экономика в 2-х тт. Т. 1. М.: Экономика, 2001. С. 392 [↑](#)
17. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. Перевод с немецкого И. Степанова, четвертое издание // Государственное издательство Москва, 1924. с 222 [↑](#)
18. Акулов В.Б., Рудаков М.Н, Теория организации.- Петрозаводск: ПетрГУ, 2002 URL: <http://www.aup.ru/books/m150/9.htm> [↑](#)
19. Ленин В.И., Полн. собр. соч. - М.: Издательство политической литературы 5 изд. 1969, т. 27. с. 422 [↑](#)

20. Baran P., Sweesy P . Monopoly Capital. // New York: Monthly Review Press, 1966, p. 109 [↑](#)
21. П. Сален. Вернуться к капитализму, чтобы избежать кризисов.- М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 35 [↑](#)
22. Snowdon B. Redefining the Role of the State Joseph Stiglitz on building a 'post-Washington consensus' // World Economics, Vol. 2, No. 3, July-September 2001 p.70 [↑](#)
23. Soros G. The worst market crisis in 60 years // The Financial Times, 22.01.2008
URL:<http://www.ft.com/cms/s/0/24f73610-c91e-11dc-9807-000077b07658.html> [↑](#)
24. Пороховский А.А. «Капитал» и экономикс: Вопросы методологии, теории, преподавания. Вып. 3. / Под ред. В.Н. Черковца. - М.: Экономфак МГУ, ТЕИС, 2009. С. 45 [↑](#)
25. Эпштейн Д.Б., Рыночный фундаментализм и аграрная политика в России // АПК: экономика, управление, №7, 2010 г., с. 48 [↑](#)
26. Попов Ю.Н., Гришина Т.Н., Конкуренция и социализация рыночной экономики, Труд и социальные отношения № 11 2012 г. с. 11 [↑](#)
27. Курс переходной экономики. Под ред. Абалкина Л.И. - Институт Экономики РАН, Москва, Финстатинформ, 1997, с. 57 [↑](#)
28. Burnham J, The Managerial Revolution // URL: <http://m.friendfeed-media.com/67452869814e7a27621eb13a7cf31ec8864a8cca> p.4 [↑](#)
29. Попов Ю.Н., Гришина Т.Н., Конкуренция и социализация рыночной экономики, Труд и социальные отношения № 11 2012 г. с. 14 [↑](#)

30. Рудык Э.Н. Социальная экономика в мировом и отечественном контексте // Труд и социальные Отношения, №2 Год: 2009, с. 6 [↑](#)
31. Курмалиева З.Х., Эволюция понятия «социальная экономика» // Вестник Адыгейского Государственного Университета. Серия 5: Экономика №1, 2011, с.248 [↑](#)
32. Социализация экономики // Экономическая энциклопедия. — М.: Экономика, 1999. [↑](#)
33. Юрманова Е.А Исторические, теоретические и практические аспекты социальной экономики: западноевропейский опыте // Економичний форум. Номер: 2 Год: 2012, С. 40 [↑](#)
34. Шумпетер Й.А., Капитализм, социализм и демократия. // Москва: Экономика, 1995, с. 369 [↑](#)
35. Указ. соч. с. 376 [↑](#)
36. Белов В. Национализация в российском гражданском праве: История и современность //Законодательство, 1999, № 2., с. 12 [↑](#)
37. Илюшина Н.А, Национализация как средство стабилизации банковской системы в период кризиса // Вестник Московского университета МВД России № 2, 2011, с. 47 [↑](#)
38. The Swedish model // The Economist, 21.08.2009 URL: http://www.economist.com/blogs/freeexchange/2009/01/the_swedish_model [↑](#)
39. Moe T., Solheim J., Vale B. The Norwegian Banking Crisis // Norges banks skriftserie, occasional papers no. 33 Oslo 2004 p. 88 [↑](#)

40. Минаев С., «Ошибки кредиторов» // Коммерсант: Власть, 1999. №32. С. 29. [↑](#)
41. Жаворонкова И., Жанр кризиса // Банковское обозрение, №8 июль (151) 2011 URL: <http://bosfera.ru/bo/2011/08/zhanr-krizisa> [↑](#)
42. International monetary fond, “Republic of Korea Selected Issues,” IMF Country Report, No. 02/20 (2002). [↑](#)
43. Юдаева К., Годунова М., Козлов К., Иванова К. Обзор центра макроэкономических исследований Стратегии выхода из банковского кризиса: международный опыт // Сбербанк России 07.04.2009 URL: http://sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/press_center/Review_6.pdf с. 54 [↑](#)
44. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора - М.: Магистр, ИНФРА-М, 2012 с. 20 [↑](#)
45. Ойкен В. Основные принципы экономической политики - Москва Издательская Группа «Прогресс» «Универс», 1995 г., стр 335-378 [↑](#)
46. Жамс Э. История экономической мысли XX века. М, 1959 с. 229—231 [↑](#)
47. Ойкен В. Основные принципы экономической политики - Москва Издательская Группа «Прогресс» «Универс», 1995 г., стр 387 [↑](#)
48. Иванов В.А. Миф о свободном рынке и превосходстве частной собственности над общественной. // Вестник АПК Верхневолжья, №1-2008 с. 71 [↑](#)
49. Указ. соч. с. 77 [↑](#)
50. Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора - М.: Магистр, ИНФРА-М, 2012 с. 22 [↑](#)

51. Ротбарт М. Государство и деньги. Как государство завладело денежной системой общества. - Челябинск: Социум, 2008. С. 114. [↑](#)

52. Stiglitz J., Inequality Is Holding Back the Recovery // The News York Times, 19.01.2013

URL:<http://opinionator.blogs.nytimes.com/2013/01/19/inequality-is-holding-back-the-recovery/?ref=opinion&r=0> [↑](#)